*М.Е. Кравцова**

К истории изучения «чуских строф» (*чу цы*) в российском китаеведении: взгляды на творчество Цюй Юаня ак. В.М. Алексеева**

АННОТАЦИЯ: В работе анализируются взгляды академика В.М. Алексеева на творчество великого китайского поэта Цюй Юаня (IV–III вв. до н.э.), изложенные в его публикациях первой трети прошлого века, и доказывается, что именно он был первопроходцем в изучении чуских строф (*чу цы*) в российском китаеведении. В.М. Алексеев не только впервые обратился к творчеству Цюй Юаня, но и наметил актуальные и сегодня теоретические подходы к изучению всей данной поэтической традиции и осмыслению её места в истории китайской поэзии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российское китаеведение, история китайской литературы, В.М. Алексеев, Цюй Юань, Сун Юй, чуские строфы, свод *Чу цы*.

Как «чуские строфы» (*чу цы* 楚辭) определяется, напомним, возникшая в древнекитайском царстве Чу (楚, XI в. — 223 г. до н. э.) поэтическая традиция, связываемая с творчеством Цюй Юаня 屈原

* Кравцова Марина Евгеньевна, д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии Востока, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация; E-mail: m.kravcova@spbu.ru; kravtsova_sin@mail.ru

** Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00121.

© Кравцова М.Е., 2019

(IV–III вв. до н. э.)[1], признанного первым поэтом Китая, и Сун Юя 宋玉 (III в. до н. э.). Главным памятником, запечатлевшим эту традицию, является свод *Чу цы чжан цзюй* 楚辭章句 («Чуские строфы с построфными и подстрочными [разъяснениями]», сокр. *Чу цы*, «Чуские строфы»), составленный Ван И 王逸 (89–158)[2]. В него входят 9 произведений Цюй Юаня (авторство некоторых из них спорно), в том числе поэмы *Ли сао* 離騷 («Скорбь разлучённого/ изгнанника»), *Чжао хунь* 招魂 («Призывание души/ душ»), цикл *Цзю гэ* 九歌 («Девять песен/ напевов»), а также поэма (или цикл стихов) *Цзю бянь* 九辯 («Девять рассуждений») Сун Юя. К *чу цы* относят также серию других произведений последнего [7, с. 219–223].

Вклад ак. Василия Михайловича Алексеева (1881–1951) в изучение *чу цы* привычно сводят к переводам нескольких произведений Цюй Юаня — *Бу цзюй* 卜居 («Гаданье о жилье», «Предсказатель»)[3] и *Юй фу* 漁父 («Отец-рыбак») — и од Сун Юя *Фэн фу* 風賦 («Ветер»), *Гао Тан фу* 高唐賦 («Горы высокие Тан»), *Шэнь нюй фу* 神女賦 («Святая фея»), *Дэнту-цзы хаосэ фу* 登徒子好色賦 («Дэнту-сладострастник») и *Дуй Чу ван вэнь* 對楚王問 («Сун Юй отвечает Чускому князю на вопрос»). Ещё им переведено жизнеописание Цюй Юаня («Отдельное повествование о Цюй Юане») из главы (*цзюани*) 84 — *Цюй Юань Цзя Шэн ле чжуань* 屈原賈生列傳 («Жизнеописание Цюй Юаня и Цзя Шэна (Цзя И)»), входящей в состав *Ши цзи* 史記 («Исторические записи», «Записки историка») Сыма Цяня 司馬遷 (ок. 145 — ок. 86 гг. до н. э.). Почти все были впервые опубликованы в 1950-х гг.[4], все вместе — в сборнике «Китайская классическая проза» (1958 г., переиздание [13, с. 39–70, 114–123])[5]. По словам Л.З. Эйдлина (1910–1985), переводы, вошедшие в сборник, были выполнены в годы Отечественной войны [13, с. 35][6]. Поэтому создаётся впечатление, что В.М. Алексеев обратился к творчеству Цюй Юаня и

---

[1] В отечественном китаеведении принято датировать жизнь Цюй Юаня 340–278 гг. до н.э. (см., напр. [11, с. 44, 535]). Однако в китайских комментаторской традиции и научной литературе предложены более 10 вариантов дат его рождения и смерти [21, с. 59–60].

[2] Подробно см. [7, с. 192–196; 11, с. 572–573].

[3] Здесь и далее даны варианты перевода названий произведений, предложенные В.М. Алексеевым.

[4] Переводы *Бу цзюй* и *Юй фу* были опубликованы в 1953–1954 гг. [12, с. 268].

[5] Новейшее издание [18, с. 37–56, 131–136].

[6] В период жизни в эвакуации (с ноября 1941 по 1944 г.) в Северном Казахстане (Боровом), подробно см. [8, с. 354–356].

Сун Юя на позднем этапе своей научной карьеры и в рамках исключительно переводческой деятельности.

На самом деле о Цюй Юане — впервые, подчеркнём, для отечественного китаеведения[7] — говорится в монографии (она же магистерская диссертация, защищённая в ноябре 1916 г., после публикации в книжном формате) «Китайская поэме о поэте: Стансы Сыкун Ту (837–908)» [1][8]; далее использовано издание [6]. Хотя обращение к «стансам Сыкун Ту» было в определённой степени вынужденным[9], эта исследовательская тема отвечала приоритетной для молодого учёного сфере научных интересов — даосская философия, запечатлённая в основополагающих древних памятниках *Дао дэ цзин* и *Чжуан-цзы*. Поставив перед собой генеральную задачу рассмотрения поэтической идеи «наития-*дао*» (с. 21–34), В.М. Алексеев не углублялся в проблемы истории китайской литературы. О творчестве многих литераторов в «Поэме о поэте» говорит вскользь, их произведения цитируются по извлечениям, представленным в традиционных словарно-энциклопедических изданиях — «Словаре рифм» (*Пэйвэнь юньфу* 佩文韻府, букв. «Кладезь рифм [из кабинета] Почитаемой словесности», далее — ПВЮФ) и «Словаре Кан-си» (*Кан-си цыдянь* 康熙詞典)[10].

О Цюй Юане в «Поэме о поэте» сказано шесть раз — значительно реже, чем о Тао Цяне (陶潛, он же Тао Юань-мин 陶淵明, ок. 365 — ок. 427), кого В.М. Алексеев полагал первоочередным духовным предшественником Сыкун Ту (с. 89–90), и о великих поэтах эпохи Тан (618–907) — Ду Фу 杜甫 (712–770), Ли Бо 李白 (701–762/3) и Бо Цзюй-и 白居易 (772–846)[11], но всё же несколько чаще, чем о многих других известных литераторах дотанского и танского времени[12].

---

[7] В «Очерке истории китайской литературы» ак. В.П. Васильева (1818–1900) [9] (переиздание [10]), зачинающем российское синологическое литературоведение [11, с. 177–178], о Цюй Юане и чуских строфах не упоминается.

[8] Об истории создания, публикации и защите «Поэмы о поэте» подробно см. [6, с. 588–628; 8, с. 259–297; 16, с. 543–576].

[9] «Я принуждён был искать для диссертации новую тему. Фантасм мой — альбом китайской народной картины погиб!» (1909 г.) [6, с. 593].

[10] Об использовании В.М. Алексеевым этих изданий (совместно с их характеристикой) подробно сказано в статье Л.Н. Меньшикова (1926–2005) «„Поэма о поэте“ В.М. Алексеева и его школа филологического анализа» [6, с. 632–635].

[11] См. «Указатель имён и названий» (с. 496–501).

[12] Например (в хронологическом порядке): Цао Чжи (曹植, 192–232) — 3 раза, Жуань (Юань) Цзи (阮籍, 210–263) — 5 раз, Се Лин-юнь (謝靈運, 385–433) — 4 раза, Мэн Хао-жань (孟浩然, 689–740) — 4 раза.

Рассмотрим интересующие нас высказывания в их последовательности на страницах книги. При цитировании произведений Цюй Юаня и оценках его творчества не указаны, к сожалению, ни источники, ни китайские или европейские работы по истории поэзии, которые В.М. Алексеев мог использовать[13]. «Подсказками» служат «Тексты, относящиеся к исследованию», входящие в Приложение (с. 508–564, все пронумерованы), и некоторые терминологические нюансы.

1. Примечания к строфе 2 станса III — при анализе сочетания *мэй жэнь* 美人 (букв. «прекрасный человек»): «Чжу Си указывает при этом, что и знаменитый поэт Цюй Юань, поэзия которого считается преемницей «Шицзина» (здесь и далее выделено мною. — *М.К.*), также называет своего князя, о котором непрестанно думает, *мэй жэнь*» (с. 162). В тексте 298 (с. 512) зафиксировано: «В „Ли сао“ тоже под „прекрасным человеком“ видит своего государя» (*«Ли сао» и и мэй жэнь му ци цзюнь е* 離騷亦以美人目其君也). Источник приведённого извлечения пока установить не удалось. В глоссе «мэй жэнь» ПВЮФ даётся ссылка не на «Ли сао», а на комментарии к ней Ван И [22, т. 1, с. 435]. А вот апелляция к Чжу Си (朱熹, 1130—1200) соответствует его толкованию из составленной им же редакции *Чу цы цзи чжу* (楚辭集注 «Собрание чуских строф с комментарием»)[14]. Отметим, что, опуская название поэмы, В.М. Алексеев без труда отождествляет её с Цюй Юанем. Не исключено и обращение к редакции Чжу Си. Замечание о преемственности поэзии Цюй Юаня *Ши цзину* (возможно, почерпнуто из каких-то китайских книг) выглядит авторским на фоне синхронной европейской научной литературы[15].

2. К строфе 6 станса XI (с. 264–265) — о мифическом дереве (общепризнанная сегодня трактовка) Фусан (扶桑): «Фусан — из-

---

[13] Работе над «Поэмой о поэте» предшествовали научные стажировки в Европе (Англии, Франции, Германии, 1904–1906 гг.) и в Китае (1906–1909 гг.), во время которых В.М. Алексеев увлечённо штудировал книги в библиотеках, лично познакомился с большинством ведущих тогда европейских синологов, а затем постоянно консультировался с китайскими эрудитами [8, с. 31–67].

[14] К 10-й строфе *Ли сао*: «Думаю о том, что травы и деревья опадают и увядают // Опасаюсь заката жизни прекрасного человека» («*Вэй цао му чжи лин ло си // кун мэй жэнь чжи чи му* 惟草木之零落兮 // 恐美人之遲暮). Трактовка Чжу Си (совпадает с точками зрения предшествующих комментаторов [24, т. 1, с. 107]): «Боится, что дни [царствования] государя приближаются к закату и никогда уже не возвратятся времена процветания его деяний» [25, с. 8].

[15] Так, в самой авторитетной тогда «Истории китайской литературы» Герберта Джайлза (Herbert Giles, 1845–1935), где присутствует раздел о Цюй Юане [27, p. 52–53], аналогичных суждений нет.

вестное своей загадочностью название места, где восходит и омывается солнце. <…> Моей исключительной задачей является проследить здесь поэтические гиперболы, связанные с этой странной фантазией. Так, у Цюй Юаня находим: «Пою свою лошадь в пруде Сянь, [где моется солнце], // Держу свои вожжи в Фусане». В тексте 1036 (с. 527) приведена цитата из *Ли сао*, но без указания конкретного произведения и его автора[16]. В ПВЮФ строки приведены со ссылкой на весь свод *Чу цы* [22, т. 2, с. 1070]. Следовательно, и здесь не исключено использование каких-то дополнительных источников.

3. К стансу XIX (к заглавию «Скорбное, волнующее», *бэй кай* 悲慨, с. 369): «В самом деле, в ста главах классического «Ши цзина» половина состоит из горестных мотивов, навеянных изменившимися к худшему временами. С известным Цюй Юанем эти мотивы дошли до крайних пределов. Ли Бо и Ду Фу при Тан не получили от жизни ожидаемого, но всё же широта их кругозора и величие духа не позволили им дойти до той же крайности в жалобной элегии, в которую ударился Мэн Цзяо, шедший вслед за ними. Область вдохновения в этом стансе — темы Цюй Юаня и Мэн Цзяо»[17]. Отмечены «скорбности мотивов» как квинтэссенция поэзии Цюй Юаня, и её влияние на последующую китайскую поэзию.

4. К строфе 6 станса XIX — к тавтафону *сяо-сяо* (萧萧, с. 375): «Чуский поэт Сун Юй: „Скорбна осенняя природа. Фффф! У-у-у! // Травы и деревья шатаются, падают и разрушаются“[18]. Чуский же поэт Цюй Юань: „Ветер — у-у-у! фффф! Деревья — ссс! шшш!“». В тексте 1885 (с. 543) значится: «Сун Юй. Цзю бянь. У шоу 宋玉. 九辯. 五首 («Сун Юй. Девять рассуждений. Пять стихов»). Под таким названием *Цзю бянь* фигурирует только в антологии *Вэнь сюань* 文選 («Избранные произведения изящной словесности», «Литературный изборник», 527 г.), куда вошли (*цз.* 33) пять фрагментов (стихов) произведения [20, с. 735–738]. В.М. Алексеев был хорошо знаком с

---

[16] Строфа 99 поэмы: *Инь юй ма юй Сяньчи си // Цзун юй пэй ху Фусан* 飲余馬于咸池兮 // 總余轡乎扶桑; перевод и комментарии, исходя из современных трактовок, см. [15, с. 141–142].

[17] Мэн Цзяо 孟郊 (751–814) — близкий друг и единомышленник Хань Юя 韓愈 (768–824), лирику которого сегодня рассматривают в русле знаменитого «Движения за возвращение к древней словесности» (*Гувэнь юньдун* 古文運動) [32].

[18] 2-я строка начальной части (1-го стиха) *Цзю бянь*: «*Сяосэ си му цао яо ло эр бянь шуай*» 萧瑟兮木草摇落而变衰 («Шурша-шелестя, трава с листвой увядают, опадают и дряхлеют») [17, с. 222].

этим памятником[19]. Для Цюй Юаня цитируется *Шань гуй* 山鬼 («Горный дух», «Горному духу», «Песнь о духе гор/ горном духе»), стихотворения из цикла *Цзю гэ*[20], что отмечено в тексте 1886 (с. 543). Стихотворение тоже приведено в *Вэнь сюань* (*цз.* 33) [20, с. 730–731][21].

5. К строфе 4 станса XXII — к сочетанию *у инь* 無垠 («беспредельность», с. 421): «…встречается как мотив в различных одах, особенно у Цюй Юаня, любящего воспевание туманных пространств». Помимо ещё одной характеристики поэзии Цюй Юаня, заслуживает внимания её дефиниция как «одической». В комментаторской традиции[22] и в современной китайской научной литературе произведения Цюй Юаня нередко определяются как *фу* (賦, условный перевод «ода»). Однако в тогдашней европейской синологии как «оды» (odes) чаще обозначали стихотворения *Ши цзина* (напр. [33, p. 19]), тогда как *фу* передавали как «prose-poem» [31, p. 5]. Возможно, В.М. Алексеев вёл и поиск русскоязычной терминологии для обозначения *чу цы* (см. ниже).

6. К строфе 6 станса XXIII — к тавтафону э-э 峨峨 (с. 430–431): «<…> тавтафон, изображающий, по глоссе „Словаря Кан-си“, высоту, встречается в приложении к Южной горе среди иероглифических нагромождений одной из од Сыма Сян-жу; затем у Ле-цзы передаёт ощущение высоты Тайшаня, сообщаемое мелодией цитры в руках на редкость искусного игрока <…>. У Цюй Юаня (Сун Юя?) э-э изображает груды льда». В тексте 2357 (с. 552) приведена только цитата (*Цэн бин э-э* 層冰峨峨). Это — 65 строка поэмы *Чжао хунь* [17, с. 184]. Интригуют колебания В.М. Алексеева в авторстве произведения. В *Чу цы* и, главное, в *Вэнь сюань* (цз. 33) она уверенно приписана Сун Юю [20, с. 738]. В ПВЮФ (глосса э-э) цитата дана с указанием на *Чжао хунь* (без имени автора) [22, т. 2, с. 895]. Напрашивается предположение, что В.М. Алексеев знал о дискуссиях по поводу авторства поэмы, которые разгорелись в эпоху Цин (1644–

---

[19] См. «Отчёт командированного в Китай магистранта китайской словесности Василия Алексеева, его занятиях в течение второго года командировки (1 октября 1907 — 1 октября 1908 г.)» [4, с. 277].

[20] 26-я (предпоследняя) строка (*Фэн са-са си му сяо-сяо* 風颯颯兮木蕭蕭) [17, с. 58].

[21] В ПВЮФ (глосса «сяо-сяо») из *чу цы* цитируется только *Шань гуй* [22, т. 1, с. 749].

[22] Начиная со знаменитого трактата *И вэнь чжи* 藝文志 («Трактат о литературе [шести классов] искусств»), входящего (цз. 30) в *Хань шу* 漢書 («Книга [об эпохе] Хань») Бань Гу 班固 (32–92) [23, с. 204].

1911) [24, т. 2, с. 2126–2128] и восходят к комментарию Чжу Си [25, с. 129].

В «Поэме о поэте» упомянут и свод *Чу цы*: в примечании 2 к подразделу «„Категории стихотворений“ Чжун Юна» (с. 17)[23], при цитировании отзыва о стихах Ли Лина 李陵 (ум. 74 до н. э.): «<…> Источник его [творчества] выходит из „Строф [страны] Чу“ <…>». Этот вариант перевода названия перекликается с англоязычной версией «Elegies of the Land of Ch'u» (напр. [33, p. 12]). Замена же «элегии» на «строфы» могла быть вызвана неприязненным отношением В.М. Алексеева к переводам и изысканиям маркиза Эрве де Сент-Дени (d'Hervey de Saint Denys, 1823–1892)[24], кто и ввёл в европейскую синологию терминологическое сочетание «элегии Чу» (èlégies de Chu) [26, p. 8]. Как бы то ни было, впервые озвученный в «Поэме о поэте» вариант, пусть в несколько изменённом виде — «Чуские строфы», — в дальнейшем прочно вошёл в научный лексикон российского китаеведения.

Итак, в «Поэме о поэте» присутствуют несколько общих суждений о поэзии Цюй Юаня, сделанных на основании, возможно, несколько более широкого, чем это видится на первый взгляд, круга источников. Однако на тот момент В.М. Алексеев усматривал в творчестве чуского поэта не более как один из источников традиционной поэтической образности, причём вне прямого её соотнесения с даосской философией.

Принципиально иначе творчество Цюй Юаня оценивается в статье «Китайская литература», опубликованной в 1920 г. (в сборнике «Литература Востока»), переиздание [3, с. 49–66]; далее использовано [5, с. 65–89]. Сосредоточенная в теоретических проблемах истории развития китайской литературы, статья распадается на два тематических раздела. Первый (с. 69–78) носит ярко выраженный концептуальный характер, во втором (с. 78–89) обосновывается выбор литературных памятников, которые В.М. Алексеев внёс в «Программу переводов с китайского языка», составленную (1919 г.) для издательства «Всемирная литература» [5, с. 90].

---

[23] Знаменитый трактат Чжун Жуна 鐘嶸 (468?—518?); подробно о нём см. [11, с. 584–587].

[24] Из «Отчёт командированного…»: «В отделе поэзии я занимался поэзией эпохи Тан по преимуществу. Эти шедевры китайской лирики давно уже ждут русского перевода, более компетентного, чем маркиза де Сен-Дени» [4, с. 277]. Уместно вспомнить, что Эрве де Сент-Дени принадлежит и первый на европейские языки перевод *Ли сао* [30].

В начальном абзаце статьи чётко постулируется авторский теоретический подход к изучению истории китайской литературы: «Ясно, что прежде чем говорить о литературе какого-либо народа, надо постараться проникнуть в начала её идейной истории, связать её настоящее с её прошлым в одно логическое целое <…>. Вот в каких общих штрихах можно набросать схему идейной жизни китайской литературы. К концу VI столетия передовая китайская мысль, ища смысла жизни, отливается в два миропонимания, которые, будучи глубоко различными даже прямо противоположными друг другу, всё же коренятся в одном и том же отношении к началу мира и в одном и том же доисторическом источнике, даже говорят одними и теми же словами, лишь влагая в них совершенно обратный друг другу смысл» (с. 65).

Под одним из этих «миропониманий» понимается древнее даосское мировидение (в современной терминологии), второе связывается с конфуцианской теоретической мыслью (с. 66–70). Выстроенная автором схема эволюции литературного творчества открывается канонической антологией *Ши цзин* — «Мы начинаем с древней классической поэзии, собранной Конфуцием в одну книгу („Ши цзин“), которая легла в основу всей будущей китайской литературы и образования на два с половиной тысячелетия» (с. 78). Далее перечислены и кратко охарактеризованы другие конфуцианские канонические сочинения, творчество «писателей конфуцианского ренессанса XI–XII вв.» с доведением этой «идейной линии» до XVIII в. (с. 78–81). «Даосскую линию» представляют, естественно, основополагающие древние даосские сочинения (*Дао дэ цзин*, *Чжуан-цзы*), к которым примыкает и творчество Цюй Юаня: «Язык Чжуан-цзы, желающего по всей видимости, быть простым толкователем идей Лао-цзы, поражает прежде всего своей причудливостью и совершенной изобретательностью. Рядом с ним вырастает мощный поэт Цюй Юань — первый лирик, первый личный и определённый выразитель сердечной тоски, живущий почти в каждом китайской поэте до сего дня» (с. 70).

В общей схеме истории литературы творчеству Цюй Юаня отведена как бы промежуточная роль между философско-религиозной словесностью и собственно поэзией: «Переходим теперь к мистическим главам царевича Лю Аня <…> внимаем алхимическому апокалипсису Гэ Хуна («Баопу-цзы») <…>. Этим заканчивается даосский цикл. Переходим к буддийской патологии <…>. В заключение этико-религиозной литературы останавливаемся на литургийных и заклинательных произведениях <…>. Переходим теперь к настоящей литературе — литературе, служащей только прекрасному и в этом служении считающей всё остальное изменчивым и второстепенным.

Начинаем с древних элегий современника Чжуан-цзы — Цюй Юаня, поражающих нас не только своею крайней причудливой ритмикой, которая так и осталась вне достижений многочисленных подражателей, но и не менее загадочными образами, а также сочною, полножизненною, могучей поэзией с сильным чувством и гениальным словом» (с. 82–83).

В «Программу переводов» внесён пункт (№ 20) «Поэты страны Чу» (*Чу цы*). Заманчиво предположить, что именно тогда В.М. Алексеев замыслил переводы произведений Цюй Юаня и Сун Юя. Обратим внимание на пассаж из его рецензии на антологию переводов китайской литературы («The Temple, and other Poems») Артура Уэйли (Arthur Waley, 1889–1966) [4, с. 364–366]: «Особенно хороши анализы труднейших и привлекательнейших произведений Цюй Юаня, которые впервые, кстати сказать, получают на европейском языке достойное выражение» (с. 365). Понятно, что для вынесения подобного суждения требовалось предварительное знакомство с оригинальными текстами и с другими их переводами[25].

Следующий шаг по разработке концепции истории китайской литературы — и применительно уже непосредственно к поэзии, зафиксирован в лекции четвёртой («Китайская поэзия. Очерк идей и представлений») из цикла лекций, прочитанных в Париже в 1926 г.: три первые в Коллеж де Франс (Collège de France), три — в Музее Гимэ (Museé Guime) [8, с. 221–222]. Спустя 10 лет их опубликовали в монографическом формате [29][26].

В указанной лекции [5, с. 125–138] В.М. Алексеев развивает теорию «дуализма китайской поэзии», построенную на признании существования двух генеральных поэтических направлений: поэзия,

---

[25] Хотя рецензия была опубликована в 1930 г., антология А. Уэйли вышла в свет в 1923 г. [34], и ей предшествовали два сборника (первые издания 1918, 1919 гг.) [31; 33]. В них наличествуют переводы: стихотворения *Го шан* 國殤 («Смерть за Родину», «Battle») из цикла *Цзю гэ, Да чжао* 大招 («Великое призывание», «The Great Summons», приписано Цюй Юаню), *Фэн фу* («The Man-Wind and the Woman-Wind») и *Дэнту-цзы хаосэ фу* («Master Têng-T'u») [31, p. 11–17; 33, p. 23–27; 34, p. 65–72]. Имелись также переводы *Бу цзюй* («Consulting the Oracle»), *Юй фу* («The Fisman's Reply»), *Шань гуй* («The Genius of the Mountain»), выполненные Г. Джайлзом и включённые в его антологию, впервые опубликованную в 1884 г. [28, p. 32–34].

[26] В конце 1960-х гг. Н.М. Алексеева (1891–1973, супруга Василия Михайловича), перевела книгу на русский язык под названием «Китайская литература: Шесть лекций в Колледже де Франс и Музее Гимэ». Впервые её частично — вторая, третья и четвёртая лекции — опубликовали в [3, с. 67–98], переиздание [5, с. 92–138].

порождённая конфуцианским дидактико-прагматическим подходом к литературе — в авторской терминологии «фантасм поэтического классицизма (*ши*)»; и с индивидуализированным эмоциональным началом, проистекающим из даосского мировидения: «Вся классическая эпоха осталась верной этому принципу в поэзии: „следуя за добром, исправлять зло“. Искажение этого принципа делается заметным, когда древняя цивилизация перестаёт благотворно действовать на правителей, которые начинают пользоваться своим положением, в личных целях, эгоистично. Следствием этого явилась настоящая поэтическая революция полтора века спустя после Конфуция, когда великий поэт Цюй Юань вознёс свои песни отчаяния и заставил всех ими восторгаться, вопреки классическому обучению. Он наполнил свою поэзию необычайными образами, к которым почти не имеется толкований, и использовал сверхъестественный элемент, который Конфуций от всей души презирал. Брешь в классицизме была пробита одним махом, очень верным и очень удачным. <…> Таким образом, дуализм китайской поэзии достаточно хорошо объясняется, я думаю, постоянной борьбой рационалистических элементов с нигилистическими элементами мистического вдохновенного воображения» (с. 130–131).

Сам В.М. Алексеев считал именно эту лекцию «особенно удачной» [8, с. 221]. Концепцию «дуализма поэзии» специально отмечает выдающийся французский синолог Анри Масперо (Henri Maspero, 1883–1945) в рецензии на книгу В.М. Алексеева[27]: «Каждая из шести лекций г-на Алексеева заслуживает быть изученной детально. К сожалению, объём рецензии не позволяет этого сделать. Скажу лишь о противопоставлении двух понятий, которые он называет „конфуцианским фантасмом“ и „даосской фантазией“ и которые очень детально рассматривает с двух разных точек зрения в четвёртой и пятой лекциях. Эта оппозиция <…> действительно доминирует во всей китайской поэзии и даже — до известной степени — во всей китайской литературе» [5, с. 141].

Издание монографии в Париже послужило одним из поводов для травли В.М. Алексеева, развернувшейся в 1937–1938 гг. (подробно см. [14, с. 333–339]). Книгу объявили мало того что «лженаучной», так и «мракобесной», «основанной на патологических изысканиях». В покаянной «Авторецензии на Китайскую литературу» (декабрь 1937 г., впервые опубликована в [5, с. 148–158]), В.М. Алексеев пишет, что «по самой своей структуре и содержанию книга эта, вышедшая, к

[27] Опубликована в 1939 г., перевод (В.М. Алексеева, под редакцией В.Т. Сухорукова, 1935–2014) опубликован в [5, с. 139–142].

сожалению, только в 1937 г., вообще устарела» (с. 151). И категорически отрекается от теории развития китайской поэзии «в её историческом чередовании фантасма и фантазии» (с. 150). О «даосской фантазии» он предпочёл умолчать, а «конфуцианский фантасм» развенчивает так: «Казавшееся мне в своё время убедительным, красочным и типослагательном построение всех лекций на конфуцианском фантасме, под которым <…> я понимал мистическое (крайне редкое для него) признание Конфуция, что на нём почивает благодать Вэнь-вана <…> — я сейчас охотнее всего эту сверхнадстройку углубил бы и основал бы на классовом самоотличии и самоопределении, идущими через всю конфуцианскую историю» (с. 153).

В результате концепция «дуализма поэзии» безоговорочно сменилась «идеей преемственности китайской литературы», создающей своего рода линейную схему её развития, что мы видим в статье «Китайская литература (Историко-библиографический очерк)» (1939 г.), опубликована [2]; переиздания [3, с. 31–48; 5, с. 41–64]. Столь же решительную метаморфозу претерпели и оценки творчества Цюй Юаня: «Выше уже упоминалась классическая поэзия древних народных песен и культовых гимнов „Ши цзин“ как самое древнее из дошедших до нас произведений. Уже после Конфуция, который её, как известно, культивировал, всячески пропагандировал и строил на ней, как на историческом фундаменте, своё учение о древней морали, в IV в. до н.э. возникла группа первоклассных поэтов во главе с Цюй Юанем — певцом пессимистических настроений, выраженных в исключительных по мастерству стихах, которые по форме явно наследуют поэзию „Ши цзина“. Несмотря на дату, поэзия эта доступна любому начитанному китайцу и приводит его в неизменное восхищение. Она была не раз переводима на европейские языки <…> и принадлежит к шедеврам китайской поэзии, наиболее доступным нам и понятным, пленяющим нас своею прекрасной, часто необузданной фантазией» [5, с. 60].

Воспроизведены, в сущности, характеристики поэзии Цюй Юаня из «Поэмы о поэте», от которых В.М. Алексеев сам же отказался в контексте прежней концепции. Бесследно исчезли тезисы о «поэтической революции», произведённой Цюй Юанем, и о том, что его поэзия, состоящая в духовном родстве с даосской философией, зачинает «настоящую литературу». Идейно-художественное своеобразие творчества Цюй Юаня сведено к «пессимистическим настроениям» и «необузданной фантазии», сам он из «великого поэта» превратился в «первоклассного». Актуализация мысли о преемственности творчества Цюй Юаня *Ши цзину* создавала как нельзя более благоприятную

почву для последующих рассуждений (сам В.М. Алексеев вряд ли это предвидел) о происхождении *чу цы* от песенного фольклора.

Больше В.М. Алексеев к попыткам теоретического осмысления чуских строф не возвращался. Статья 1920 г., а тем более лекции, прочитанные в Париже, были малодоступными очередному поколению советских китаеведов. «Очерк» 1940 г. через некоторое время был провозглашён главным обобщающим трудом академика по истории китайской литературы[28]. Особой же хвалы удостоилась идея преемственности истории развития китайской литературы, о чём свидетельствует отзыв об «Очерке» Л.З. Эйдлина: «Не придуманная, а выраженная как результат обоснованной убеждённости, глубоко плодотворная, на наш взгляд, идея непрерывности и традиционности китайской культуры, покоящаяся на фактах не опровергнутых, а лишь подтверждающихся на нынешней стадии наших познаний, идея эта весьма перспективна для дальнейших наших исследований истории, литературы, искусства, культуры Китая» [19, с. 15]. Концепция «дуализма поэзии» вкупе с оценками творчества Цюй Юаня «канули в лету».

Итак, есть все основания утверждать, что для российского китаеведения именно В.М. Алексеев был истинным первопроходцем в исследовании чуских строф. Причём он не только впервые обратился к творчеству Цюй Юаня, но и наметил актуальные и сегодня теоретические подходы к изучению всей традиции *чу цы* и осмыслению её места в истории китайской поэзии.

Литература

1. *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте: Стансы Сыкун Ту (837–908). Пг.: Фототипия и тип. А.Ф. Дресслера, 1916. 155 с.
2. *Алексеев В. М.* Китайская литература (Историко-библиографический очерк) // Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. М.–Л., 1940. С. 282–299.
3. *Алексеев В.М.* Китайская литература: Избранные труды. М.: ГРВЛ, 1978. 595 с.
4. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. 535 с.
5. *Алексеев В.М.* Труды по истории китайской литературы. В 2 кн. Т. 1. М.: Восточная литература, 2002. 574 с.
6. *Алексеев. В.М.* Китайская поэма о поэте: Стансы Сыкун Ту. М.: Восточная литература, 2008. 701 с.

[28] В обоих собраниях трудов В.М. Алексеева [3; 5] именно он, вопреки хронологическому принципу, открывает разделы по истории Китайской литературы (соответственно «Раздел I. Китайская классическая литература» и «Введение в китайскую литературу»).

7. *Алимов И.А., Кравцова М.Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. В 2 ч. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. Т. 1. 704 с.

8. *Баньковская М.А.* Алексеев и Китай. М.: Восточная литература, 2010. 487 с.

9. *Васильев В.П.* Очерки истории китайской литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. *В.Ф. Корша*. Т. 1. Ч. 1: Литература Древнего Востока. СПб: Издание Карла Риккера, 1880. С. 426–588.

10. *Васильев В.П.* Очерки истории китайской литературы. Переиздание на русском и китайском языках / Пер. на кит. яз. *Янь Годуна*. СПб.: Институт Конфуция в СПб ГУ, 2013. 334 с.

11. Духовная культура Китая: энциклопедия / Гл. ред. *М.Л. Титаренко*. В 5 томах. [Т. 3:] Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008. 854 с.

12. Китайская классическая литература: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / Сост. *И.К. Глаголева*; н. ред., вступ. статья *В.Ф. Сорокина*. М.: ВГБИЛ, 1986. 324 с.

13. Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева / Отв. ред. *Л.З. Эйдлин*. 2-е изд. М.: Из-во АН СССР, 1959. 387 с.

14. *Кобзев А.И.* Драмы и фарсы российской китаистики. Научный сборник с участием В.Ц. Головачёва, Р.Н. Дёмина, А.Д. Дикарёва, В.Е. Еремеева, Д.Е. Мартынова, Н.А. Орловой и Ю.В. Чудодеева. М.: ИВ РАН, 2016. 599 с.

15. *Кравцова М.Е.* Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. СПб: Петербургское Востоковедение, 1994. 542 с.

16. *Смирнов И.С.* Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях / Отв. ред. *Б.Л. Рифтин* (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. LV). М.: РГГУ, 2014. 640 с.

17. «Чу цы» на китайском и русском языках / Пер. на русск. яз. *Гуань Юй-хун, М. Кравцовой* («Чу цы». Хань э дуйчжао 楚辭. 漢俄對照 / Гуань Юй-хун, Кэлафуцзова э и 管玉红, 克拉夫佐娃俄譯) // Серия «Китайская классика. На китайском и русском языках» («Да чжунхуа вэньку. Хань э дуйчжао» 大中華文庫. 漢俄對照). Пекин: Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ 北京師範大學出版社, 2016. 256 с.

18. Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В.М. Алексеева. В 2 кн. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. 574 с.

19. *Эйдлин Л.З.* О Василии Михайловиче Алексееве // Литература и культура Китая. Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. М.: ГРВЛ, 1972. С. 9–38.

20. Вэнь сюань 文選 / Сяо Тун сюань, Ли Шань чжу 蕭統選, 李善注 (Избранные произведения изящной словесности / Сост. *Сяо Тун*, коммент. *Ли Шань*). В 2 т. Пекин: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1959. Т. 2. 861 с.

21. *Го Вэй-сэнь* 郭維森. Цюй Юань пинчжуань 屈原評傳 (Критическое жизнеописание Цюй Юаня). Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ 南京大學出版社, 1998. 378 с.

22. Пэйвэнь юньфу 佩文韻府 (Кладезь рифм [из кабинета] Почитаемой словесности). В 7 т. Шанхай: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1937.

23. *Чжан Шунь-хуэй* 張舜徽. «Хань шу и вэнь чжи» тун ши《漢書藝文志》通釋 (Общее толкование «Трактата о литературе [шести классов] искусств» из «Книги о Хань»). Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ 湖北教育出版社, 1990. 304 с.

24. Чу цы цзи цзяо цзи ши 楚辭集校集釋 / Цуй Фу-чжан, Ли Да-мин чжубянь 崔富章, 李大明主编 (Критический текст [свода] «Чуские строфы» со сводными комментариями / Под ред. *Цуй Фу-чжана*, *Ли Да-мина*). В 2 т. Ухань: Хубэй цзяосюй чубаньшэ 湖北教育出版社, 2003.

25. Чу цы цзи чжу 楚辭集注 / Чжу Си чжуань; Цзян Ли-фу цзяодянь 朱熹撰；蔣立甫校點 (Собрание чуских строф с комментариями / Сост. *Чжу Си*, крит. текст *Цзян Ли-фу*). Шанхай: Гуцзи чубаньшэ 古籍出版社, 2001. 325 с.

26. Élégies de Chu: Chu ci 楚辭. Attributées a Qu Yuan, Song Yu et autres poètes chinois de l'Antiquité IVe siècle av. J.-C.–II siècle apr. J.-C. / Trad., présentèes et annot. par Rémi Mathieu. Paris: Gallimard, 2004. 296 p.

27. *Giles Herbert.* History of Chinese Literature. London: W. Heinemann, 1901. 448 p.

28. *Giles Herbert*. Gems of Chinese Literature. Revised and enlarged edition. Shanghai: Kelly&Walsh, 1922. 314 p.

29. La Littérature Chinoise: Six conférences au Collège de France et au Museé Guime (Novembre 1926) par Basile Alexéiev. Paris: Paul Geithner, 1937. 232 p.

30. Le Li Sao. Poème du III-e siècle avant notre ère. Traduit du chinoise accompagnè d'un commentaire perpétuèl et publié avec le texte original par Marquis d'Hervey de Saint-Denys. Paris: Maisonneuve, 1870. 66 p.

31. More Translations from Chinese by Arthur Waley. 2-nd ed. London: George Allen & Unwin LTD, 1920. 109 p.

32. *Owen Stephen*. The Poetry of Meng Chiao and Han Yü. New Haven; London: Yale University Press, 1975. 294 p.

33. *Waley Arthur*. A Hundred and Seventy Chinese Poems. 2-nd ed. London: Constable and Company LTD, 1920. 168 p.

34. *Waley Arthur*. The Temple, and Other Poems. London: George Allen & Unwin LTD; New York: A.A. Knopf, 1923. 150 p.

M.E. Kravtsova*

History of Russian Studies of the Chu Elegies (*Chu Ci*): V.M. Alekseev's Opinion on the Qu Yuan Verses

ABSTRACT: The article analyzes the opinion expressed by the prominent Russian sinologist V.M. Alekseev (1881–1951) on the verses of the great Chinese poet Qu Yuan (IV–III BC). The paper is based on publications of the first decades of the past century, showing that it was V.M. Alekseev who became the true pioneer of Russian studies in the Chu elegies (*chu ci*). While paying attention firstly to Qu Yuan's poetic works, he outlined some theoretical methods for discussing the *chu ci*

poetic tradition and the role of *chu ci* in the history of Chinese poetry, and his opinion is still actual for modern studies in the area.

KEYWORDS: Russian sinology, history of Chinese Literature, V.M. Alekseev, Qu Yuan, Song Yu, elegies of Chu, *chu ci*.

* Kravtsova Marina Evgeneyvna, Dr.Hab. (Philology), Professor, Department of the Oriental Philosophy and Cultural Studies, St. Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia; E-mail: m.kravcova@spbu.ru; kravtsova_sin@mail.ru